

№ 65 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Апрель, 2017

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ОБОРОНА ЧЕРЕЗ ЛИДЕРСТВО: ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ РЕФЕРЕНДУМА О КОНСТИТУЦИИ

Владимир Аватков

Об авторе:

Владимир Алексеевич Аватков

доцент Дипломатической академии МИД России, директор Центра востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии, кандидат политических наук

Данный текст отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

С приходом к власти в начале XXI века консервативной Партии справедливости и развития (ПСР) Турция вступила в эпоху перемен. Трансформации затронули все сферы общественного, экономического и политического развития государства. На протяжении 15 лет власти удавалось сосредоточить в руках все рычаги управления за счет поддержки в целом консервативного турецкого общества. Хотя разделение по формуле 30% «за», 30% – «против», 30% – «курят кальян» остается в силе. В истории республиканской Турции практически во всех основных вопросах так жестко общество не делилось еще никогда, как это произошло накануне референдума 16 апреля по изменению конституции. По данным опросов, число сторонников и противников колеблется в пределах 45–55 %, меняясь в зависимости от политической обстановки и выступлений власти и оппозиции. Наибольшего преимущества политическому истеблишменту удастся достигнуть в результате публичных выступлений харизматичного и популярного в народе президента Р.Т. Эрдогана, военных успехов и создания «образа врага», который «мешает демократии», – речь, например, о Голландии или Германии.

Подобного рода политические игры, базирующиеся на чаяниях граждан, характерны для всех стран мира. Однако сложившаяся обстановка в Турции показывает, что общество на грани раскола. Как заявил один из членов правящей партии, если не удастся преодолеть 50% тем, кто «за» изменения, начнется гражданская война. Стоит, обратив внимание на это высказывание, выдвинуть несколько гипотез по вопросу вероятности противостояний и распространения хаоса на территорию Турции из ближневосточного региона. Наименьшая вероятность возникновения столкновений будет в случае, если сторонники изменений наберут более 55%, наибольшая – при разделении голосов 49/51 (в любую пользу). Особого внимания заслуживает и имеющаяся вероятность выигрыша противников трансформации конституции. В случае их победы у правящей элиты может возникнуть стремление ввести де-факто имеющийся президентский режим без всяких демократических процедур.

Значимость референдума связана, прежде всего, с сутью предлагаемых изменений. В соответствии с ними, Турция лишается премьер-министра, полномочия во многом концентрируются в руках президента. Военные, ранее выполнявшие роль гаранта светского пути развития республики, больше не смогут занимать никакие политические посты. Снижается возрастной ценз для участия в парламентских выборах (с 25 до 18 лет), сокращается ответственность министров перед парламентом и увеличивается количество депутатов – с 550 до 600. Всего поправок 18, но перечисленные выше – наиболее значимые.

Турция – парламентская республика, в которой традиционно играли большую роль политические партии и их лидеры. Хотя во многом партии были привязаны к своему лидеру и трансформировались с его уходом, именно они определяли всю палитру власти.

Основная линия противоречий крылась в парадигме «светский–несветский». Сторонники консерватизации общества объединялись в партии, опиравшиеся на понятия «справедливость», «благоденствие» и пр., претендуя на большой охват всех групп избирателей и тем самым подчеркивая свою принадлежность. Когда Конституционный суд запрещал ту или иную партию или военные завершали их существование, возникала новая структура со схожим названием.

Очевидно, что армия играла свою роль в плане недопущения возврата к консервативному строю и сдерживания антизападных настроений в обществе. Если светская форма правления в целом вызывала положительные эмоции у многих государств мира, то вопрос борьбы с коммунистическими силами и абсолютизации Запада как ориентира развития вызывал и вызывает скепсис у многих. Очевидно, что большая часть населения в Турции устала и от радикально светского режима, и от прозападного курса.

Новую же идею развития Анкара может искать в самой себе или в той или иной форме экспансионизма и национализма. Наиболее популярные идейные концепты в этом контексте – неопантюркизм и неоосманизм. С долей условности можно утверждать, что неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа. По сути, неоосманизм – это виртуальная концепция, объединяющая целый ряд идей и практик внешней политики Турции. Основными элементами «сети» неоосманизма являются неопантюркизм, панисламизм, турецкое евразийство, а также взаимодействие с арабскими и балканскими странами, государствами Азии и Африки. Неоосманизм реализуется посредством использования каждого отдельного элемента, но с учетом общей направленности на формирование надэтнической идентичности османского империализма нового типа – «вовлечения» и «включения» за счет «мягкой силы». В свою очередь, неопантюркизм подразумевает интеграцию тюркских государств исходя из их этнической, языковой и религиозной близости, с применением, прежде всего, гуманитарных методов и методов экономического вовлечения¹.

¹ <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/>

Для реализации любой национальной идеи нужен сильный лидер. Учитывая рост националистических и консервативных настроений в Турции, взамен прозападного курса рано или поздно должна была возникнуть альтернатива, связанная с Востоком и собственным развитием. По сути, это и было то, что предлагал Р.Т. Эрдоган и его команда. Импульсивность лидера оказала негативное влияние на реализацию декларируемой внешнеполитической доктрины «Ноль проблем с соседями», которую даже стали называть в СМИ «Ноль соседей – ноль проблем».

При этом стоит отметить, что обнуление сложностей с соседями – иллюзорный конструкт, цель, вряд ли достижимая даже в далекой перспективе. Но не стоит недооценивать возможности Турции в долгосрочной перспективе: она запустила в сопредельных странах целый ряд механизмов формирования лоббистских структур, которые уже начали себя проявлять, в частности – на постсоветском пространстве. На это работают многочисленные бизнес-структуры и международные организации, аффилированные с Анкарой. Речь идет, к примеру, о ТЮРКСОЙ, ТИКА и Тюркском Совете.

Феномен Р.Т. Эрдогана не случаен. Его появление в турецкой политике – закономерный результат жесткой вестернизации консервативной страны. Во многом его возникновение в политике ознаменовало усталость от Запада, но и породило целый ряд домыслов среди экспертного сообщества.

В частности, достаточно распространенным является взгляд, что США, заинтересованные в сохранении Турции как ключевого союзника по НАТО в регионе, решили опробовать различные методы смены власти при сохранении лояльности Вашингтону. Речь идет об эволюционном и революционном методах трансформации режимов. В отличие от арабского Востока, на Анкаре апробировалась эволюционная модель.

Даже если указанный выше посыл верен, очевидно, что у Запада не получилось с реализацией ни одной из моделей.

Изначально ПСР действительно состояла из целого ряда социально-классовых субъектов умеренно исламского типа. Количественный фактор акторов, влияющих на политический процесс, позволял манипулировать ими третьим силам. Более того, у многих из них имелись связи с «зеленым капиталом» и различными американскими структурами.

Однако постепенно количество субъектов внутри Партии справедливости и развития начало сокращаться в связи с активной борьбой за власть. Постепенно основ-

ной и ключевой фигурой, вокруг которой строится все взаимодействие в партии и политическом истеблишменте, стал Р.Т. Эрдоган, сильный лидер, который развернул борьбу за превращение Турции в регионального, а постепенно – и мирового актора.

Оставляя в стороне вопрос о реализуемости таких грандиозных амбиций, следует отметить, что сам факт подобного политического целеполагания положительно влияет на настроения электората, который еще обладает имперским сознанием.

В турецком политическом сознании сегодня органически сочетаются две противоположные тенденции: 1) страх в связи с возможным развалом из-за заговора внешних сил («севрский синдром») или федерализации страны («курдский синдром»); 2) стремление к расширению влияния в рамках тюркского и османского ореолов.

Страхами и амбициями Анкары умело пользуются западные партнеры, активно взаимодействующие как с курдскими группами влияния, так и с националистическими силами внутри Турции.

Турецкая Республика, сталкиваясь с внутренними и внешними вызовами, естественным образом столкнулась с необходимостью обороны через лидерство. Именно поэтому у власти оказался Р.Т. Эрдоган, а турецкие войска сегодня находятся и в Сирии, и в Ираке.

В этом же контексте стоит рассматривать лозунги и заявления руководителей страны.

Одним из ключевых посылов Турции с точки зрения мировой политики является «мир больше пяти». Данная идеологема неоднократно высказывалась Р.Т. Эрдоганом, чтобы продемонстрировать желание реформировать Совет Безопасности ООН, где, как он выразился, нет ни одной мусульманской страны.

Региональные послы руководства Турции в достаточной мере агрессивны. Анкара постоянно посылает сигналы о том, что Лозаннский договор 1923 г., нынешние границы стран региона были навязаны извне, противоречат естественным устремлениям обществ и народов. Если изначально данная мысль была связана исключительно с проблемой турецко-греческих отношений по поводу островов в Эгейском море, то постепенно она расширила свое действие и на юго-восточные границы Турции. В отношении кавказского направления пока что подобные идеи не высказываются из-за существенного влияния России на регион, а также в связи с необходимостью выждать, пока подрастет новое поколение политиков в Грузии и Азербайджане – по-

литиков, многие из которых учились в Турции, связаны с турецким бизнесом и обладают соответствующим политическим сознанием.

Внутриполитические идеологемы Турции подразумевают борьбу со всяким внешним влиянием, опору на национализм и консервативные ценности. Краеугольным камнем в этом плане является безопасность, которая поставлена в ранг святыни внутриполитического процесса. Вокруг нее строилась вся кампания перед недавними парламентскими выборами, вокруг нее же формируется кампания перед референдумом. Основной посыл: есть террористические группы, которые стремятся к разрушению страны, с ними нужно и можно бороться только сообща, ликвидируя все чуждые элементы. Далее возникает резонный вопрос: какой из субъектов считать чуждым?

Коллективное сознание восточных обществ в целом подразумевает жесткую борьбу с инакомыслием, медленное развитие общественных процессов при моментальном объединении усилий в случае опасности. Турция, обладающая и западными, и восточными чертами политического сознания, на практике оказывается ближе к восточным идеям и практикам.

Сегодня практически все общество объединено идеей борьбы с ФЕТО (террористической организацией фетхуллахистов), хотя еще недавно между Эрдоганом и проживающим в США Ф. Гюленом де-факто существовал альянс. Однако борьба за власть – не только политическую, но и намного шире – столкнула те субъекты, которые ранее составляли базис элиты.

Ф. Гюлен – известный философ, общественно-политический деятель, который борется за создание нового «золотого поколения». Основой его влияния является образование. Именно через воспитание молодого поколения и поиска талантов богослов надеялся создать нового человека, который на самом деле был бы протурецким, происламским и представлял собой часть большой пирамиды лобби. Для этого формировался целый ряд организаций, формально к Гюлену не имеющих никакого отношения, но реально обладающих большими связями внутри «пирамиды». Акцент делался на так называемый тюркский мир – подсистему международных отношений, которую безуспешно пыталась сконструировать Анкара. Но указанные структуры были и остаются распространены на территориях ключевых мировых игроков, включая США и Россию. Обладающие деструктивной функцией с точки зрения национальных интересов указанных стран, они мало заметны; их негативная деятельность сложно доказуема, но обладает существенными результатами в плане формирования лоббистских структур в средне- и долгосрочной перспективе.

Турецкое руководство начало борьбу с ФЕТО не из-за указанных выше причин. Формирование лобби за рубежом является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии Анкары. Причина – во власти. Эрдоган и его команда отчетливо поняли, что сетевые организации, аффилированные с Гюленом, проникая в государственный аппарат, могут действовать против режима и лишь временно оказываются его сторонниками. При этом разобраться кто есть кто в турецкой действительности намного проще, чем в других странах, не приспособленных к ведению борьбы с такого рода структурами.

Поводом для чисток стал неудавшийся странный военный переворот, произошедший летом 2016 г. Военные и ранее совершали путчи для сохранения прозападного светского пути развития Республики, но на протяжении последнего десятилетия оказывались под жестким давлением Брюсселя, стремившегося к демократизации кандидата на вступление в ЕС, и власти, борющейся за свое существование. По сути, ЕС, стремясь к демократизации, привел к консерватизации турецкого общества. Армия перестала быть субъектом политики на благо своей иллюзорной идеи о возможности стать частью европейского пространства. К слову, совсем иначе сложилась ситуация там, где не было таких идей, – в Египте, где генералитет не позволил вытеснить себя из политики и укрепиться исламистам у власти.

К лету 2016 г. армия практически не обладала ресурсом для влияния на политическую жизнь общества. В основном она пополнялась за счет сторонников правящей элиты, среди которой были и представители ФЕТО. Учитывая, что основой внутривнутриполитического курса Эрдогана стала борьба и со старыми светскими элитами, и с ФЕТО, переворот пришелся кстати для реализации поставленных задач.

Организован путч был крайне слабо, совершенно не в духе сильного турецкого офицерства. Захваты мостов и одной телерадиокомпании, бомбардировки парламента и отеля, где якобы находился Эрдоган, – все это показатели либо слабости организации, либо намеренной халатности. Власть достаточно быстро возложила ответственность на своих противников – сторонников Ф. Гюлена. Учитывая достаточную осведомленность разведывательных служб Турции, представляется маловероятным, что они не знали о готовящемся перевороте. Руководитель же МИТ (Национальная разведывательная организация) – Хакан Фидан – приближенный Эрдогана.

Неудавшийся переворот оказался на руку власти: с одной стороны, это повод для дискредитации военных как политического субъекта, с другой – возможность объединить население перед лицом угрозы, которая носит и внутренний, и внешний характер – терроризм. Борьба с терроризмом стала основой всех политических диспутов

в Турции в последнее время, при этом в центре негативизации оказываются и Гюлен, и курдские группы, и внешние «враги». Тем самым потребность во внутренних и внешних силах, которые встраивались бы в парадигму «друг–враг», была удовлетворена.

Силы, аффилированные с Ф. Гюленом, несут угрозу и России, и СНГ, и другим акторам мировой политики. Они размывают идентичность народов, способствуют процессам глобализации. Указанная угроза находится в стадии осознания ключевыми акторами мировой политики, но практически нигде не перешла от стадии выявления к стадии борьбы с ней. Исключением во многом является Россия, где органы безопасности давно ведут борьбу с образовательными структурами сектантского типа. При этом, к сожалению, не во всех регионах это удается с равной долей успешности. Так, существенное влияние пантюркистских групп и их идеологом остается и даже приумножается в отдельных тюркоязычных регионах России.

Летний странный «недопереворот» дал карт-бланш Эрдогану на проведение реформ, сплотил население вокруг него. Но подобные образы, сконструированные по принципу «свой–чужой», имеют относительно короткий срок действия. Уже сейчас наблюдается сокращение поддержки власти в связи с тем, что чистки стали направляться не только против гюленистов, но и против всякого инакомыслия, неудобного власти. Кроме того, наблюдается постепенное слияние националистов с властью. По сути, в оппозиции остаются только либералы и социал-демократы, численность которых всегда была менее 50% общества, а на сегодняшний день еще сократилась.

Стоит отметить, что поддержка Эрдогана достаточно высока (в разные периоды от 40 до 65%), при этом сторонников реформ конституции меньше. Это говорит во многом о снижении зависимости турецкого населения от харизмы лидера. Данный факт свидетельствует о частичном успехе парламентаризма, который приживался на турецкой почве почти сто лет. Но парадокс заключается в том, что как раз сейчас, когда можно наблюдать эти незначительные сдвиги, турецкому обществу предлагается изменить модель, перейдя к более сильной форме – президентской республике.

Население готово поддерживать курс Эрдогана, но исходит, готовясь к голосованию, не из его личностных характеристик, а из факта институциональных преобразований, которые могут повлиять на будущее Турции. Во многом референдум 16 апреля 2017 г. не про конституцию и не про Эрдогана. Он – про будущее системы, которая останется и после эпохи правления нынешнего президента. Это осознание существует даже в среднеобразованной среде избирателей Эрдогана, многие из которых готовы голосовать против.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ

Дата	Организация, проводившая опрос	Опрошенных	Да Да Нет Не определились			Вместе с неопределившимися		Без неопределившихся	
			Да	Нет	Не определились	Да	Нет	Да	Нет
27 марта 2017	SONAR	5000						49	51
25 марта 2017	KONSENSÜS							48,8	51,2
18-22 марта 2017	AKAM	2032	32,54	40,63	26,83			44,47	55,53
17 марта 2017	CHP		42	46	12			47,7	52,3
17 марта 2017	Gezici		48,9	51,1				48,9	51,1
6-13 марта 2017	Politic's	2753	46,2	36,9	16,9			55,7	44,3

12 марта 2017

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ГОЛЛАНДИЕЙ

3-9 марта 2017	AKAM	8120	35,6	48,2	16,2			42,4	57,6
1-7 марта 2017	ORC	3140	51,6	38,7	9,7			57,2	42,8
25 фев.-2 март 2017	MAK	5400	53	37	10			58,9	41,1
16-21 фев. 2017	AKAM	4060	34,9	45,2	19,9			43,6	56,4
16-19 фев. 2017	NET	3535	43,8	45,8	10,4			48,9	51,1
10-18 фев. 2017	THEMİS	1985	36,2	45,3	14,5			42,4	57,6
7-12 фев. 2017	SAMER (только юго-восток Турции)	1112	25,1	57,4	17,5			30,4	69,6

10 фев. 2017

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ РЕФЕРЕНДУМА 16 АПРЕЛЯ 2017 Г.

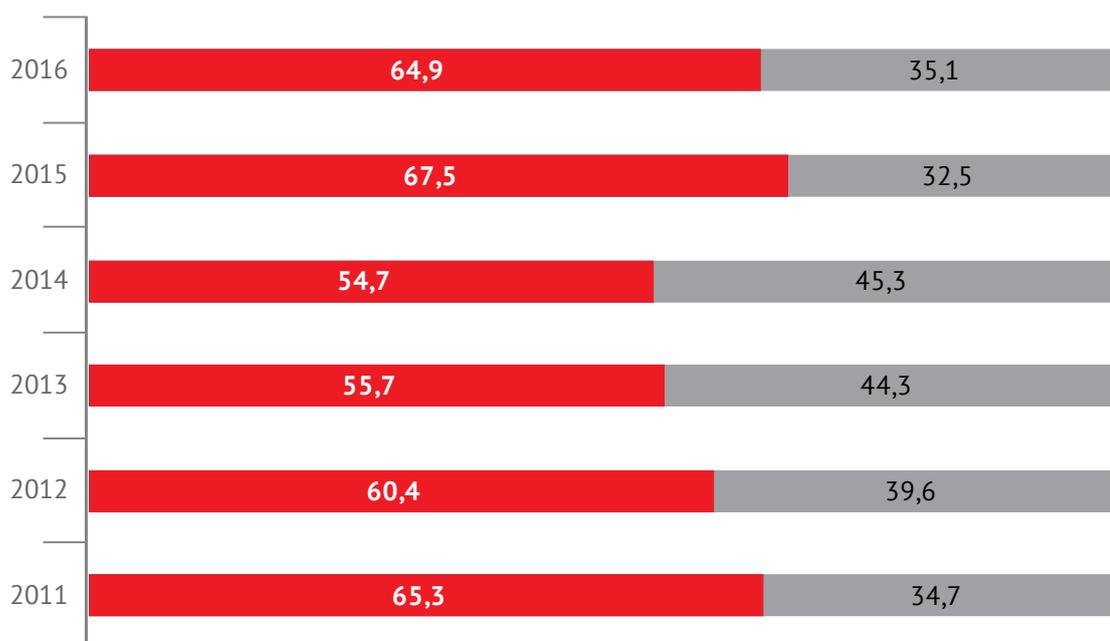
Источник: организации, проводившие опросы.

Результаты исследований расходятся незначительно, но в случае с разделением голосов населения по принципу 50 на 50, каждый голос приобретает значение. Интересный опрос с раскладом по каждой социальной группе и поддержке власти сделал университет KADİR HAS². Итог опроса продемонстрировал:

- основным успехом 2016 г. население считает борьбу с FETÖ,
- большинство поддерживает чрезвычайное положение, но не хотело бы, чтобы оно длилось долго,
- максимальную поддержку президентской форме правления оказывает только 32% населения, остальные если и делают это, то с оговорками,
- происходит падение поддержки армии,
- снижается количество сторонников евроинтеграции: с 65% (2015 г.) до 45% (2016 г.),
- самыми опасными для Турции странами названы Израиль, затем США и Сирия (в 2015 г. первое место занимала Россия).

В целом изменения, происходящие в Турции, воспринимается жителями положительно. Красным отмечен процент тех, кто считает, что трансформации ведут страну к лучшему, серым – к худшему.

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРАНЕ

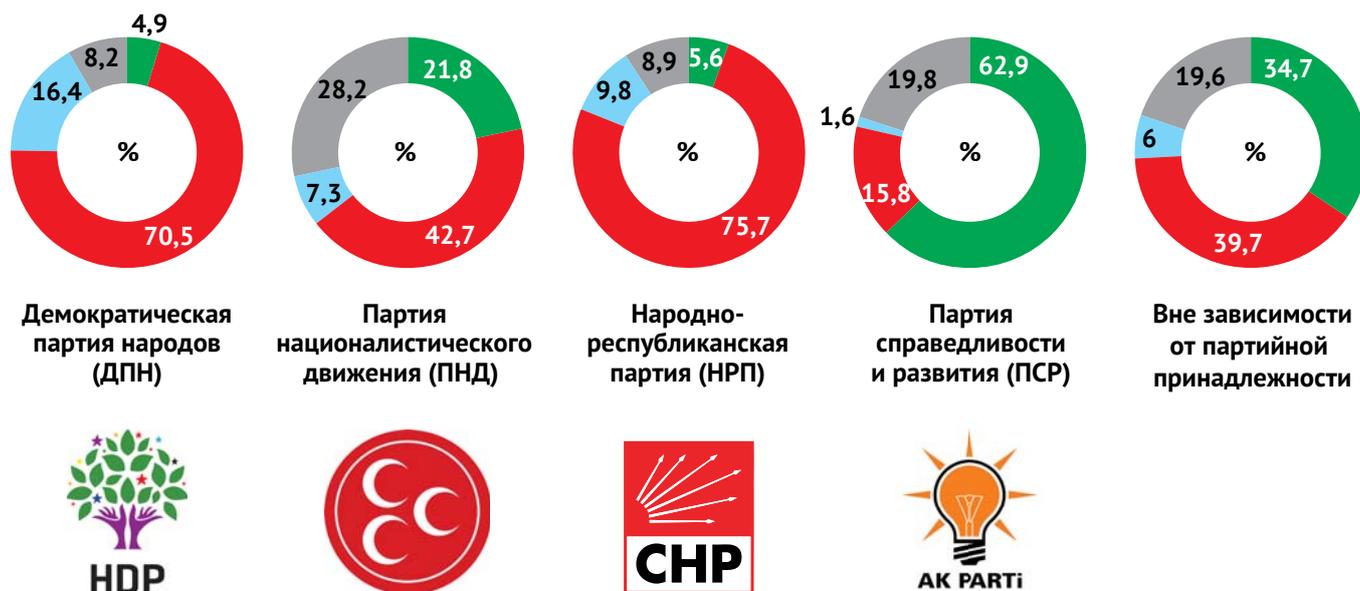

Источник: <http://www.khas.edu.tr/index.php/news/1498>

² <http://www.khas.edu.tr/index.php/news/1498>

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПО ПРЕДСТОЯЩЕМУ РЕФЕРЕНДУМУ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПАРТИЙНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Да Нет Не буду голосовать Не знаю

Источник: <http://www.khas.edu.tr/index.php/news/1498>

Турецкие социологи наглядно показывают, как жестко разделилось общественное мнение по предстоящему референдуму в зависимости от партийной принадлежности.

Основная борьба в рамках подготовки к референдуму развернулась за голоса тех, кто не определился, но собирается прийти на выборы. Для победы команда Эрдогана усилит борьбу с инакомыслием, продолжит конструирование внешних и внутренних врагов, нуждается в больших и маленьких победах и в увеличении проблемных точек для объединения населения в борьбе с ними. В этом контексте словесная перепалка с голландскими властями может оказаться не самым страшным проявлением кампании.

Одним из основных вопросов для внешней политики Турции является переориентация на Восток, поиск новых идеологов и определение интересов. Очевидно, что в обществе и элите отсутствует консенсус по вопросу практических и теоретических обоснований внешнеполитического курса. Укрепление президентской системы взамен парламентской даст карт-бланш руководителю страны в определении указанных приоритетов, но и одновременно возложит на него большую ответственность за будущее страны.

Европейская мечта, которая была ключевой идеологемой внешнеполитического курса, исчерпала себя. Турция усилилась за счет проводимых реформ в рамках евроинтеграции, укрепила свою экономику и перешла к наступательной линии во внешней политике.

Одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса Турции стал арабский мир. При этом «арабская весна» оказалась неожиданностью для турецкого руководства, которое обвинялось оппозицией в бездействии. Не успевая за региональными процессами, Анкара решила возглавить движение, которое во многом оказалось лояльным консервативному турецкому режиму. Так, у Турции установились теплые отношения с режимом в Египте, который Эрдоган и его команда пытались защищать до последнего, обвиняя военных в незаконном свержении власти.

Более того, наблюдая резкую смену режимов в регионе, турецкое руководство решило оказаться впереди данных процессов, надеясь, что власть в Сирии падет также быстро, как в Ливии и Египте. У Анкары исторически было сложное взаимодействие с Сирийской Арабской Республикой, связанное с этноконфессиональным и территориальным вопросами. Кроме того, Турция хотела в рамках доктрины «Ноль проблем с соседями» сменить власть в сопредельной Сирии и привести к власти лояльный себе и арабским державам режим. Это было важно не только с геополитической, но и с экономической точки зрения.

Турция с 2010 г. вступила в период «перестройки», в рамках которого пыталась найти новое место в мировой и региональной политике. Очевидно, что одной из целей свержения режима в Сирии было создание газопровода из арабских стран через территорию Турции в Европу. Для этого важна была позиция Дамаска, который предпочитал солидаризироваться с Тегераном и Москвой.

Р.Т. Эрдоган перед началом конфликта в Сирии имел весьма позитивные отношения с Б. Асадом, с которым они даже отдыхали семьями. Все изменилось достаточно быстро, когда официальная Анкара провозгласила то, что происходит у соседей, своим «внутренним делом», и одной из первых навесила ярлык на соседнего правителя – «диктатор».

Но Турция переоценила свои возможности, опираясь на амбиции без учета ресурсов. Кроме того, Анкара не учла возможность вмешательства России в процессы в регионе. Осуществляя антитеррористическую операцию в Сирии по официальной

просьбе правящего режима, Москва оказалась в легитимном положении и поставила в сложную ситуацию арабских и турецких партнеров. Если арабские страны предпочли не вступать в прямую конфронтацию с Россией, то Турция, нуждавшаяся в формировании образа внешнего врага перед выборами и понесшая политические и экономические убытки из-за разрыва связей со многими группами влияния, предпочла вступить в прямую конфронтацию, сбив российский самолет.

«Удар в спину» оказался неожиданным для России, хотя его всегда стоит ожидать при ведении боевых действий, тем более в сложных условиях, которые сложились после развала СССР. Анкара воспользовалась доверием российской стороны, продемонстрировав свое лицо. Экономические отношения не смогли сгладить геополитические и идеологические различия, больно ударив по сторонникам альянса Турции и России.

Для планомерного развития двусторонней кооперации важно было и остается координировать связи не только в экономической плоскости, но и во многих других. Несбалансированность взаимодействия порождает кризисы, которые впоследствии сложно преодолевать.

Соотнесение интересов и ценностей в случае с Турцией – впрочем, как и с любой другой державой – не обязательно приведет к положительным результатам. Однако такого рода работа может, по крайней мере, обозначить красные линии. Причем, наиболее оптимальным было бы вести ее как по официальным каналам, так и через публичную дипломатию и связи на всех уровнях, включая экспертный.

Прозаический подход к партнерам оказывается наиболее верным в условиях глобальной и региональной конфронтации. При этом важно уделять внимание не только экономическим интересам, но и ценностным ориентирам партнеров, которые зачастую могут действовать вопреки императивам экономики, но в рамках тех или иных идеологем.

Стремление Р.Т. Эрдогана к «развороту на Восток» не обязательно подразумевает положительные отношения с Москвой. Более того, руководство Турции все время балансирует между стремлением к экспансии и национализмом – с одной стороны, и концентрацией на собственном экономическом благосостоянии – с другой. Логика региональных событий показывает, что Анкара, хотя и готова к диалогу с Москвой, не отказывается от своих экспансионистских устремлений. При этом указанный диалог принципиально важен хотя бы с точки зрения того, что Турция сдерживает свои

внешнеполитические амбиции и садится за стол переговоров, принуждая к этому лояльные себе группы, в частности – сирийской оппозиции.

Переговоры в Астане, проходящие под эгидой Москвы, Анкары и Тегерана, важны не столько с точки зрения результативности, сколько в связи с необходимостью наличия площадки, на которой смогут вести диалог различные стороны. Только таким образом можно выстроить жизнеспособную региональную архитектуру безопасности.

Турция вступила в период подготовки к референдуму с целым рядом внутри- и внешнеполитических проблем, с введенным чрезвычайным положением, войсками, находящимися в Ираке и Сирии. В Турецкой Республике идет активная борьба с «курдскими сепаратистами», сторонниками Ф. Гюлена и противниками правящего режима.

Р.Т. Эрдоган и его команда представляются органическим развитием политики Турции XX века, его появление – не отклонение, а закономерный итог насажденной вестернизации. При этом очевидно, что его правление имеет ряд внутренних и внешних ограничителей, среди которых, в том числе, есть влияние США и России. Крайности, свойственные турецкому политическому сознанию, могут поощряться бездействием тех или иных внутренних и внешних игроков, а могут направляться в более сдержанное русло.

Референдум 16 апреля – все же про власть, а не про институты. Иными словами, задумывался ли он организаторами как возможность продления и увеличения полномочий президента Р.Т. Эрдогана? В то же время народом он воспринят скорее как институциональный выбор, обращенный на будущее развитие государства. В этой связи голосование во многом будет не «за» или «против» Эрдогана, а в отношении конкретных изменений политической системы.

Результаты же референдума непосредственным образом скажутся не только на политической системе, но и на власти президента Р.Т. Эрдогана. Более того, ясно, что опасным является сам факт проведения голосования по принципиально важным вопросам в то время, как в соседних государствах хаос, внутри страны идут столкновения и теракты, через Турцию двигаются потоки мигрантов в ЕС. Наибольшим риском с точки зрения интересов России и мира в плане развития Турции является возможность трансфера хаоса на сопредельные страны, в частности – на Закавказье.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РСМД
Российский совет
по международным
делам

